

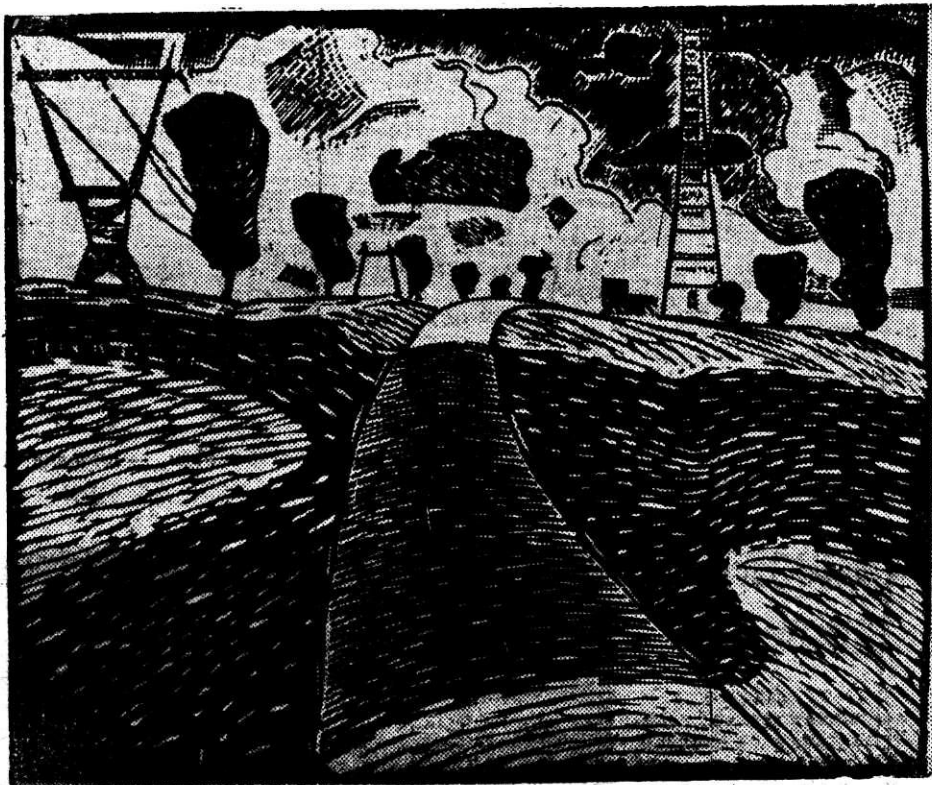
Литературная Страница

Новые стихи
рабочего поэта
Александра ПАВЛОВА

МЕТАЛЛУРГИЯ

Тысячезвонное, тысячелунное
царство железное, царство чугунное.
Кто же здесь правит страной величавой?
Я — властелин этой огненной лавы.

Огнит размеренно металл,
и звезды падают на стоки...
Меня сразил «девятый вал»,
могучей песни соль и прокипь.
Здесь тишины не может быть,
она разорвана недаром,
тут вся грохочущая зыбь
объята доблестным пожаром.
И в эту дымную купель
полос сталистых выются стрелы...
Мой друг, я горд! Ты мне поверь.
Мы — мастера стального дела!

В цехе

Сквозь пыл и жар,
сквозь гул и грохот
я разглядел
на скосе тьмы,
как руки
трепетно возносятся
в прогалах
русые дымы.
Они, как лебеди,
пугливо
взмывали
к самым фонарям...
Дрожали стены,
молчаливы,
одеты
в розовый наряд.
Летели
огненные змеи,
до белизны
раскалены,
вдали сходились
параллели
на перекрытиях
стальных.
А сменщик юный
деловито
махал
промасленной рукой.
И, разбиваясь
в мощных плитах,
гудок метался
заводской.

В. ТУМАНОВ

РАССКАЗ

Марфутина печка

Не по-сентябрьски холодный ветер теребил с берез осеннюю подат, но деревья не отдали ему своего легкого платя. Ветер спустился пониже и просквозил из рукава в рукав полушубок, которым бабка Пелагея укрыла на ночь Виктора. Виктор проснулся. Мать и бабка стояли к нему спиной, уставясь на западный край пепелища. Виктор сбросил с себя полушубок, поднялся на ноги и подошел к ним.

Так вот оно что! Над островками бурьяна возвышалась печка. Из ее темно-красной глотки торил себе дорогу в небо пахнувший пресным хлебом дым.

— Наконец-то, проснулся, — сказала с улыбкой бабка Пелагея, — сил нет нагнуться. Натаскунь, накинй на меня полушубок, — и идемте скорей.

Чем ближе подходили к печке, тем шире на лице Натальи улыбка. Ей виделось, как, стоя у печки, разгребает она жар кочергой и садит хлеб деревянной лопатой на раскаленный под...

А какой длины была кочерга, раздвинувшая неоглядное скопище пепелища по обочинам дороги, и сколько силы понадобилось на то, чтобы поддуть такую кочергу? — спрашивала себя Наталья. Она живо представила себе эту кочергу длиной от Берлина до Подмосквы. Ручка кочерги направлялась страхолюдями, вместо ног у которых было множество колесиков, накрытых гусеничной лентой.

Жуткий образ, мелькнувший перед глазами Натальи, сменился иной картиной. Людишки в мышиных мундирах бегут от Москвы к Берлину. В руках у них ведра с бензином. Яркое пламя вылетает в небо разгневаным заревом...

— Лопухов еще не хвастает, — ворчит старуха, оскользясь на подорожниках.

— И лопухи есть, — отзывается Виктор с пепелища. Полюки Дыжиной и выходит на дорогу весь облепленный колочками.

— Ну, чистый ежик, — ужасается старуха.

— Во что ты там играть собрался? — азмывает худой рукой Наталья.

Виктор показывает ей комок сплещенного стекла. Наталья берет комок, поворачивается к солнцу, подносит стекло к глазам и возвращает Виктору:

— Муть, ничего не поймешь. Играй.

Виктор не успевает подставить ладонь, и стекло падает на дорогу. Поднимать его неохота. Из бурьяна перед мальчишкой выхлещает печка. Обмазка с нее вся обсыпалась, а в пещурках — углубления, сделанные в боку печки для сушки портянок и рукавиц, — колыхаются от проникающего из печки жара воробьиные перышки. У печки стояли люди, одетые в изъеденные войной, но все еще знакомые одежды.

Химка Рыжова — чуть ли не в подвешенной юбке, Марфута Фролова — в выгоревшей на темени до лысого блеску темной шали; Полюка Дыжина — шеголяла обновкой — солдатской шинелью, заливчатой перетянутой ремнем. Из мужских уборов виднелись меж бабьих голов шапка старого Тимофея Ручкина и захватанная просмолена ным и плотничьими пальцами фуражка такого же скрюченного, как Тимофей, Алеши Панова.

— Печку-то хучь бы тыном обнесли, все потеплело бы, — сказала им бабка Пелагея.

— На своем пепелище распоряжайся, — отозвалась Марфута Фролова, — ладно, что так разрешаю.

— А, слушай ты е! Печка — не весь колхоз, —

сказала Химка Рыжова и тут же хлопнула себя по бедрам, — дожденок-то ваш совсем замерз! Сажайте его в мою Кирию.

Наталья подхватила Виктора и посадила на печку возле круглолицего парнишки с пройдохливыми глазами. От кирпичей тянуло теплом. Виктор завозился, усаживаясь поудобнее.

— Ты не очень-то егосишь, — предупредил его Кириуха, — а то под обстрел попадешь.

В два ряда между Виктором и Кириухой стояли глиняные танки. Вместо пушек из танковых башен высывались длинные трубочки снарядного пороха.

— Убирай, убирай свою армию, — вздохнула Марфута, подсаживая на печку девочку с заспанным, равнодушным, как у самой Марфуты, лицом.

— Не уберу, — насупился Кириуха, — они нас от фрицев защищают.

— Надюшкин папа нас лучше защитит, — обронила Марфута.

— Что ты перед сиротой выхваляешься? Может, и ваш не вернется. Война не кончена, — вступилась Химка.

— Не отнимай у человека надежды, Хима, — сказал АLEXА Панов, — вернется, Марфута, твой Абросим, вернется.

— А у меня есть лепешка на сале, — сказала Надюшка, доставая из-за пазухи ржаную лепешку.

— Давай на порох меняйся, — предложил ей Кириуха.

— Не буду, — замолчала головой Надюшка, — сала и так с пятачок осталось, а муки с пригоршню.

— Ну, и ешь одна, а мы сейчас умрем и некому будет тебя защищать, — Кириуха подмигнул Виктору и, повалившись навзничь, вытянулся будто мертвый.

— Кирик, не умирай! — забеспокоилась Надюшка и, оглядываясь на мать, поднесла к Кириухиным губам

лепешку. Кириуха отхватил от лепешки больше половины и поделился с Виктором.

— Жуй, пока Марфутка не увидит, а ты, Надюшка, дергай порох из танков.

— Не нужен он мне, я не жадная.

— А еще у тебя есть лепешки?

— Есть, в землянке, да я мамки боюсь.

— А где они, лепешки-то?

— На полке.

— Принеси тебе?

Надюшка кивнула. Кириуха спрыгнул на ту сторону печки, где к ней вплотную придвинулся бурьян.

К женщинам подъехала подвода, на которой громоздились конский плуг, зеленый заплечный мешок и два мужика. Один из них, приземистый, с опухшим лицом, держал единственной своей рукой вожжи.

Звали его Михай Ивановичем. И был он пока что, как говорит Надюшкина мама, председателем колхоза. Другого, одноглазого и длинного, как удиле, Надюшка видела впервые. Не знакомец окинул всех своих карим с искорками глазом и выжидательно усталым в спину Михея Ивановича. Михай Иванович слез с телеги, выпустил вожжи, потом удрученно сказал:

— Вот бабы, мало, вам было меня, так я вам еще одного мужика привез. Партийный. Будет учить вас коровок раздвигать, землю пахать.

— Ты партийную власть с хозяйственной не путай, не завихряйся, — сказал одноголазый.

— А чего мне завихряться, — куражился председатель. — Я вот хоть плужок людям привез, а ты что?

— А я — постановление партии от 21 августа.

Одноголазый выхватил из кармана шинели сложенную вчетверо и свернутую трубой пачку газетных листов. Председатель усмехнулся:

(Окончание на 4 стр.)

Свою новую лино-гравюру Владислав АРИСТОВ назвал «Дорога в город».

В пути

Мчитесь к горизонту
пропыленный ЗИЛ
в мой трудягу-город,
в мой желанный мир.
Громят скаты,
щебень шелестит,
перевалы взяты,
хмурые хребты.
Вдоль дороги пыльной
рощи и поля,
ждет крутого ливня
сонная земля.
Туча скрыла выси,
в землю впился луч,
дуги молний высек
свод нависших круч.
Позади, за склоном,
лег нелегкий путь,
только мы не можем
нынче отдохнуть.
В мареве вечернем
— Вон! Смотри,
вдали! —

Робко загорелись
первые огни.
Это юный город
машет нам рукой,
это наша гордость
у горы крутой.

Возвращение

Алым кантом зари
встала горная цепь,
разметались огни,
будто врзались
в степь.
А к вечерней звезде
протянулись дымы...
По Уральской гряде
ожиданье зимы.
Вдоль
размытых дорог,
над пожухлой травой,
рощи пьют небосвод
поредевшей листвою.
И, качаясь, плывет
вдоль зашитоков вагон,
только чудится тот,
заводской перезвон,
что встречает всегда
у Магнитной горы...
Тихо гаснет закат,
горизонты укрыв.
Все равно
не сдержусь!
В тамбур
выбегу вдруг,
ветер мечется пусть
над теплом моих рук...
А глаза полоснет
многолюдный вокзал,
в сердце выльется все,
что еще не сказал.

ОПЕРАТОР

Дышит печь и, отдуваясь шумно,
голубые мечет языки,
разрывая опаленный сумрак,
и пространство гулкое разбив.

Грохот, звон у пышущей громады,
на рольганги рушится металл,
но спокойным, строгим встретил взглядом
оператор налетевший шквал.

Что ни взмах, то многотонный слиток,
и грохочет огненный прокат,
и шумит! Да так, что стонут плиты,
так, что балки мощные гудят!

Я увидел тонкое искусство
в этой четкой слаженности рук...
Заготовки обжимая с хрустом,
рядом клетки застонали вдруг.

И, раздав доступного границы,
в жарком вихре буйного огня
чуть усталый парень, смуглолицый,
улыбаясь, смотрит на меня.